

Благодарность

Отдаю почести всем жертвам өссенских грибов — своим любезным и безжалостным бета-ридерам, без поддержки и замечаний которых эта история и дальше существовала бы как слой сведений в протонации вместо того, чтобы конденсироваться в виде слов на бумаге или экране.

Помогли мне прогрызть путь сквозь мицелий до самого дна следующие люди: Каролина Францова, Санча Филле, Виктор Яниш, Ондржей Миллер, Рихард Поданы, Зденек Рампас. Спасибо! И особенная благодарность моему мужу, Мартину Климу, что за одиннадцать лет, пока я с переменным успехом и перерывами писала эту книгу, он не выставил меня с моей бандой инопланетян за дверь.

Вилма К.

* * *

Пять священных веществ. Пять уровней на пути к Озарению — самому прекрасному и самому страшному, что принесла цивилизация өссеан на планеты людей. *Гёмершаул*, по-терронски называемый *Янтарные глаза*, проломит барьеры сознания. *Лаёгүр*, *Лед под кожей*, сосредоточит мысли на далекой цели. *Öкрё*, *Падение в темноту*, уничтожит пламенем все, что было; а *янтрүн*, *Видение*, откроет дверь в новый мир и новую реальность. И, наконец, к душе зовет *рāvё*, *Голоса и звезды*, — и объединит хаос сомнений в единое и единственное целое — в *Космический круг Совершенного Бытия*.

Такова вера өссеан.

Однако существуют и другие. Люди, как Лукас Хильдебрандт, которые хоть и понимают, чего от них хотят, но все равно ни за что не сделают этого как положено. *Космический круг Совершенного Бытия* они принципиально называют *Комическим духом Откровенного Нытья*; а вместо того, чтобы идти навстречу Богу, упорно бредут в обратном направлении.

Для них это самый настоящий ад. Или как минимум борьба за жизнь.

Пять уровней неволи, зависимости, безумия.

Лаёгүр

Глава первая

ТАИНСТВО КОРАБЛЕЙ

«*Самые важные вещи происходят втайне*,— говорили на Ёссе.— *Ведь наши тайные мысли получают над нами власть*». Лукас Хильдебрандт знал и вторую часть этой пословицы, хотя о ней вспоминали не так часто,— и именно она с ужасающей настойчивостью крутилась в его голове, когда он оставлял свой Корабль.

Едва они приземлились, наступил момент безвременья, пока Ее моторы затихали, а корпус охлаждался. Трое на палубе достигли общей цели, а теперь сконцентрировались на других мыслях — каждый на своей. Аш~шад с Фомальхивы с особой увлеченностью наслаждался первыми видами планеты предков. Пилот Джеймс Ранганатан выбежал на площадку и занялся привычным контролем, чтобы поскорее закончить и уйти. Лукас убедился, что за ним никто не идет. После чего пробрался в пустую кабину пилота.

«*Втайне*». Он отсчитал необходимое расстояние и коснулся не приметного узора на пульте управления.

«Знак». Панель раздвинулась и раскрыла небольшое углубление, полное скользкого плазмодия, лужицу без воды. «Священная точка». Лукас глубоко вдохнул и приложил руку к плазмодию.

На него навалилась тяжесть. Казалось, что переборки расплываются... что кабина рушится и падает на него. Так резко и так неуловимо. Ее присутствие, Ее выжидающее сознание за тонкими слоями бархата и тика. Чужая жизнь, которой ему не понять... чужие мотивы, которые он так отчетливо ощущает, но не может описать словами. Лукас вздрагивал в ритме учатившегося пульса. Он боялся, что не сможет заговорить, но молчать он тоже не мог.

«Ангаёдаё»,— обратился он к Кораблю по старому имени, не земному.

Звуки корабельного өссеина качались на волне инфразвука, вызывали тошноту и головокружение... приступы слабости, проходящие через все тело — словно кусок полотна, развевающийся на ветру. «Скажи мне. Открой мне тайну»,— без звука шептал он на языке өссенских Кораблей. Ноги подкашивались, пришлось опереться на панель и другой рукой. «Это не всё. Я знаю! Я не могу так просто уйти!»

Но этого он уже вслух не сказал и даже не написал Ей.

Между ним и Кораблем возникла особая, неуловимая связь. Он, человек, сын герданки и землянина, отдался Ей на милость — и Ангаёдаё, космическое существо, подчинилась его воле. Этот договор был заключен по-өссенски — единственным способом, чтобы заставить Корабль встать на сторону фомальхиванина в ситуации с зүрёгалом, өссенским церковным исполнителем, когда они бежали с Деймоса II и их

жизни были под угрозой. К этой сделке Лукас подошел с холодной рассудительностью. Не стал никому объяснять, в чем она заключается. Со стороны и не было заметно — следы иголок давно исчезли с его запястья. Но лаёгүр сковал льдом кровь — *лед под кожей*, второе священное вещество, то, что проясняет мысль и обостряет восприятие.

Корабль установил свою цену. Благодаря лаёгүру Лукас был с *Ангаёдаё*.

Голову постепенно охватывало безумие. За долгие часы полета ему не раз казалось, что он слышал Ее — голос звучал внутри него, будто проткнувший череп клин. Шепот *Ангаёдаё* походил на отражающееся от стенок черепа эхо, и в Лукасе росла уверенность, что Она действительно хочет сообщить ему нечто важное. Он упорно боролся за малейший проблеск понимания. Еще во время посадки, пока Она опускалась сквозь слои атмосферы, Лукас сидел, крепко зажмурив глаза, и впитывал каждое Ее содрогание, каждую перемену наклона, каждое колебание в вихре воздуха, будто в последние моменты он мог пробиться к тому, что начало безнадежно исчезать под нарастающими слоями реальности. И хотя он владел корабельным өссеином лучше многих, из Ее тихой речи он не мог выхватить ни слога.

«Получится ли теперь?»

Лукас поднял глаза на противоположную стену, где светилась бледная синева корабельного Зрачка. Он заметил в нем медленное неясное движение, вихрь цветов. Зрачок затягивал его. Поглощал. *Трёигрү* установилось. Лукас вдруг потерял уверенность в том, что его окружает на самом деле: существует ли эта кабина, кресло,

переборки, существует ли он сам и фомальхиванин... или же это совершенно другая реальность, намного более древняя и весомая... ёссенская.

Ангаёдаё колеблется. Чужая воля переплетается с Её волей. Паутина мотивов — а также слепые пятна, куда не заглянуть даже Кораблям.

Поток слов пробивает пелену тишины.

«Не здесь, не сейчас, Лүкеас Лус, чужие глаза смотрят, еще не время...»

— Лукас! — в тот же момент произнес за его спиной Аш~шад.

Он услышал звук шагов и распахивающейся двери.

— Что случилось? Ты идешь?

Лукас пришел в себя. Падение в реальность было столь резким, что он был благодарен даже за скользкий и рыхлый мицелий, кипящий под его пальцами,— хоть за что-то он мог держаться. Он *вернулся*. Навязчивое ощущение, что Корабль собирается что-то ему сказать — не решается, колеблется, получает на это добро́ по какому-то тайному каналу,— вдруг его отпустило. Всего нескольких слов на человеческом языке и нескольких секунд в человеческой компании хватило, чтобы снова увидеть Её как есть: сгусток мицелиальных структур, глянцевая поверхность, блеск приборов — всего лишь машина.

— Конечно,— ответил Лукас Аш~шаду.— Минутку. Осталась одна формальность.

Он вновь вернулся к Кораблю. Выловил из памяти фразы в пятеричном коде.

«Спасибо Тебе, Ангаёдаё, что доставила нас на Землю. Я освобождаю Тебя от Твоих обязанностей»,— написал Лукас на плазмодиальной клавиатуре. На то была

веская причина. Где-то в Ее утробе заложена программа, которую перед уходом нужно выключить. Определенная фраза, на которую придет определенный ответ.

Однако Зрачок Корабля потемнел. В нем разлилась куда более насыщенная синева — цвет тоски. В синеве показался знак корабельного оссеина.

«Не покидай меня».

Лукас вздрогнул. Плазмодий был холодным, но возникло ощущение, будто пальцы горят. Он не мог отвести глаз от символов, бегущих по синему монитору глаза.

«Ты наконец сделал это. Я так долго ждала, когда ты вновь решишься. Ты не можешь меня покинуть, Лукас Лус. Я клянусь в верности и не беру слов назад. Я буду ждать тебя сколь угодно долго... так долго, пока ты не поймешь. Тебе необходима Пятерка, живая вода, Изменение. Соединись со мной. Ты принадлежишь мне. Ты избежишь опасности. Я дам тебе рэвё. Избавлю от бремени твоего тела»,— писал Лукасу Корабль. Тот воспринимал информацию так остро, будто каждый символ выжигали прямо по мозгу.

Но тут на смену темной оссенской синеве пришла смесь куда более спокойных цветов. Фомальхиванин вошел в кабину, склонился над панелью управления, и его плечи и длинные распущенные волосы закрыли Лукасу обзор.

— Ты опять болтаешь с Кораблем? — Он взял Лукаса за предплечье и посмотрел ему в глаза. — Лукас?.. Ты меня слышишь? Что-то не так?

Лукас вновь пришел в себя.

«Рэвё? Избавить от тела?!»

— Нет,— пробормотал он.— Все в порядке.

Вынув пальцы из плазмодия, Лукас одновременно освободился от хватки фомальхиванина.

— Прости, что заставил тебя ждать, Аш~шад.

Он отвернулся и не оглядываясь вышел из кабины.

Вселенная извергла его из себя, а земная действительность втянула, подняла к поверхности, но та сомкнулась, а темные глубины остались внизу — неприступные.

* * *

Камёлёмöэрнү тоже помнила о тайных вещах. Öссеанка в изгнании, не желающая привлекать внимание... у нее глееваринские способности, она старается их скрыть... но, прежде всего, недавно по неосторожности причинила вред здоровью öссенского ниндзя, что повлекло его смерть, она лишила верховную жрицу агента и при этом нарушила планы зүрөгала, церковного исполнителя еще одного верховного жреца,— в таком случае излишка осторожности быть не может. Камёлё разместила защитные сети на всех предполагаемых трассах, чтобы ничто не могло застать ее врасплох. Днем и ночью она чувствовала их на периферии сознания — натянутые паутины, невидимые дорожки, нити, звенящие от напряжения. И вот ее сеть зафиксировала толчок. Осколок информации.

На Землю пристает тот самый Корабль.

Камёлё как раз собиралась уходить. Она пообещала старой Ёлтаўл, что на выходных поможет с мицелиальной рассадой, потому стояла перед шкафом в своей тесной квартирке на окраине öссенского квартала и решала, достаточно ли на улице тепло, чтобы надеть

на работу юбку (мини, с бахромой, расшитую бисером), или же все еще холодно и можно натянуть треники (без бахромы, без бисера, удобные, скучные). Но этот удар сверху быстро поменял ее приоритеты. Камёлё побросала одежду на пол и подбежала к окну. Вгляделась в непроницаемое, непостижимое небо.

«Значит, Лўкеас Лусу удалось. Среди д-альфийцев на базе Деймоса он отыскал чужака с Фомальхивы. Убедил его улететь вместе с ним. Тайком провел на Корабль. И так же тайком провез на Землю».

Был субботний безоблачный, почти весенний день, ничего не предвещало беды — но Камёлё обдало холодом.

Нужно узнать больше. Плавным движением она села на пятки и закрыла глаза. На выдохе ее глееваринское сознание проникло в протонацию.

«Лўкеас Лус, так близко: его вытянутое бледное лицо в полутьме каюты, гладкие черные волосы, герданский шелк одежды... холодная элегантность, холодное сознание змеи — осколок льда в объятиях тьмы». Лицо было более бледным и угловатым, чем то, которое она когда-то знала: лицо умирающего — все еще молодое, но отмеченное глубокими морщинами на лбу и вокруг рта. Невозможно пережить подобное так, чтобы это не отразилось в глазах. Из глаз Лукаса, из самой глубины, смотрела усталость от всех безнадежных битв. Он терпел боль — часто. И хотя улыбался, выражение его лица не могло этого утаить.

Камёлё вздрогнула. Отвела взгляд от Лукаса и осмотрела Корабль. «Частная яхта по имени *Ангаёдаё*. Прибытие без лишнего шума». Молодой пилот индийского происхождения проводил формальный контроль.